

Елена Новак

— Как Вы относитесь к камерному и ораториальному репертуару?

— Зара Александровна старалась развивать меня все-сторонне, хотя у нас и было смещение в камерный репертуар. Я к камерному репертуару отношусь очень положительно. Это благодатная музыка. Я даже участвовала в конкурсе исполнителей камерных произведений, который летом 2000 года проходил в Москве. Председателем жюри была сама Е. В. Образцова. Я получила третью премию. Программа у меня была обширная, в нее входило много романсов Рахманинова. Говорят, что на конкурсах выступать страшно, а меня они мобилизуют, подхлестывают. Может быть, поэтому я рискнула участвовать в конкурсе в труппу Большого театра.

Большой театр был для меня мечтой. Когда я заканчивала Академию, там вывелись объявление о конкурсе в труппу. Мужские голоса требовались все, а женские — только контральто. Когда я пришла в отдел кадров Большого, меня спросили: «Вы точно не меццо-сопрано? Меццо-сопрано нам не нужны!» Нас было всего пятеро. Может быть, мне просто повезло, что никто больше не решился участвовать. Я пела арию Ратмира и арию Вани, и меня приняли сразу на положение солистки.

Сегодня Елена Новак — не только солистка Большого театра,

синскую Академию, которую окончила за 4 года. В этом мне пошла навстречу. Я рвалась в бой, мне надо было скорее петь.

В Академии я попала в класс Зары Александровны Долухановой и сразу почувствовала, с музыкантом какого уровня я сталкиваюсь. Долуханова — большой мастер и замечательный человек, абсолютно бескорыстный. Я была счастлива учиться не только пению у Зары Александровны, но и отношению к жизни. Я ей очень благодарна за все, включая обучение технологии пения.

— Есть ли какая-то специфика в обучении у камерной певицы?

— У Долухановой — особый метод, двумя словами о нем не скажешь. Пение постигается постепенно. Вопрос технологии на уроках поднимался в первую очередь, но только с тем, чтобы глубже раскрыть музыкальный образ, замысел композитора.

Наши отношения с Зарой Александровной складывались в каком-то смысле не просто. Но когда речь заходила о музыкальной концепции, ее желание объяснять и мое стремление понимать, — совпадали настолько, что между нами возникал замечательный контакт.

— Вас учили, как контральто?

— Нет, как высокое меццо-сопрано.

— А как Вы пришли к тому, что Вы — контральто?

Елена Новак поет в Большом театре второй сезон. Она спела Перфильевну в «Псковитянке» и Дуняшу в «Царской невесте», недавно дебютировала в партии Федора в «Борисе Годунове». Но ее настоящей дебютной ролью, показавшей, каким редким голосом обладает Е. Новак, стала Ольга в «Евгении Онегине». Подлинное контральто, так же, как и драматический тенор, — это сочетание удачи и воли.

«Мне стоило большого труда доказать, что у меня контральто. Это было очень болезненно. Певец расцветает со временем, для этого нужен возраст и опыт».

Е. Новак сравнительно поздно начала заниматься вокалом. Но, видимо, тяга к пению была настолько сильной, что она сумела преодолеть все препятствия на пути к оперной сцене. «Мое увлечение пением не связано с детскими впечатлениями. Это, скорее, свойство моей души. Я с этим родилась. И родители очень давно это заметили, делали мне замечания, что я повсюду хожу и пою. С 7 лет я начала заниматься музыкой, сначала — на фортепиано, потом — на скрипке. По классу скрипки и окончила музыкальную школу.

Домашние обстоятельства вынудили поступить и окончить Энергетический институт, окончив его, недолго поработала по распределению. Жизнь складывалась так, что мне, видимо, нужно было через это пройти.

Я поступила в музыкальное училище, когда мне было 22 года. Пусть поздно, но это был мой выбор. Окончила по классу Ларисы Ивановны Ткачевой и пошла в Гне-

но и аспирантка Гнесинской Академии. За два сезона работы в Большом театре она участвовала в двух премьерах: в «Псковитянке» и в «Евгении Онегине».

«Я вышла сразу на премьеру. Счастье, конечно, огромное. Я увидела, из чего состоит профессиональная работа певца, какой это каторжный труд, как люди «вкалывают». Остаются в этой профессии только те, кто любят ее. Она требует внутренней жертвенности».

Перфильевна — это совсем маленькая партия, Ольга — гораздо значительней. Над ней я работала с Б. А. Покровским. Мне говорили, что он очень строг. Но с ним было удивительно интересно работать. Я специально брала клавиш и записывала все, что он говорил об Ольге, о певцах, об отношении к работе. Он нам рассказывал, что необходимо сберечь, и говорил настолько от сердца, что равнодушным просто стыдно было оставаться. Свою встречу с Б. Покровским я считаю счастьем.

Своей удачей я считаю встречу в Большом театре с концертмейстером Аллой Осипенко. Она — мой вдохновитель, мои вторые уши и глаза, добрый друг. Я ей полностью доверяю и во вкусах, и в оценках.

Меня радуют даже маленькие партии. Я на них учусь, на них, мне кажется, расту. Сейчас я учу партию Вани, готовлю Марту, в планах — Книгиня в «Русалке», выучила партию Кончаковны.

Мечтаю быть в Большом театре востребованной и с надеждой смотрю в будущее».

Ирина КОТКИНА.